

TECHNICAL HERMENEUTICS AND SEMIOTICS

Questions of technical hermeneutics, that is, specific techniques that help to remove the situation of misunderstanding, and the general theory of signs, for me were woven 10 years ago, largely influenced by the work of Gunther Scholtz. Now I am glad to return to the theses formulated at that time and to state that the semiotic approach proved to be exceptionally productive for fixing not only receptive but also projective processes, that is, situations not only of understanding but also expression, creation of new creativity and technology. The text discusses two issues. First, it is a question of the transferability of the problems of technical hermeneutics to questions of semiotics and analytical philosophy, that is, can the problem of understanding and interpretation, as it is known to the European hermeneutic tradition from Blessed Augustine and Friedrich Schleiermacher, be expressed through the language of semiotics of the 20th century. Secondly, it is a question of the consequences of this kind of translation (if possible) for categories of sign and understanding within a single science (using the term: “single science”, we adopt the goals and tasks of philosophical research as they are formulated in the Vienna Circle) or a single model of communication.

Key words: *technical hermeneutics, semiotics, understanding, meaning, meaning.*

Об особенностях языка литературоведения

Силантьев И. В.

Россия, Новосибирск, доктор филологических наук,
директор Института филологии СО РАН

В статье рассматриваются особенности представления знания в языке литературоведения в связи со спецификой литературоведческого дискурса как такового. Литературоведение – это дискурс смыс-

лопорождения. Задача его состоит не только в установлении литературных фактов, но и в построении новых смыслов и новых интерпретаций по поводу литературных текстов. Вместе с тем литературоведение – это дискурс знакопорождения. Всякий оригинальный литературоведческий текст только отчасти опирается на общепринятую парадигму понятий и терминов, в другой же части развивает свой собственный научный язык. Литературоведческий дискурс, таким образом, определяется коммуникативной стратегией поиска новых смыслов и новых знаков, и теоретической стратегией преодоления своей собственной системности, которая в силу этого всегда остается только складывающейся, становящейся системностью.

Ключевые слова: *литературоведение, дискурс, смысл, знак.*

Проблема представления знания научным языком, если ее рассматривать применительно к науке о литературе, неотделима от более общей проблемы литературоведческого дискурса как такового.

Под дискурсом мы понимаем сложившуюся в определенных социально-исторических и культурных условиях традицию человеческого общения – с характерными для нее жанрами, стилями, тематикой, специализированным языком, прецедентными высказываниями и текстами.

В общем поле культуры и социальной деятельности дискурс в первую очередь идентифицируется реализацией определенной коммуникативной стратегии, как некой общей и в то же время специализированной коммуникативной цели и соответствующих ей дискурсных средств. Так, применительно к повседневному дискурсу можно говорить о коммуникативной стратегии обыденного единения людей посредством разнообразных форм прямого обмена текущей информацией, фатических коммуникативных актов и др. Применительно к образовательному дискурсу можно говорить о специфической коммуникативной стратегии обучения и обмена опытом и знаниями, что реализуется в жанрах лекции, семинара, зачета, экзамена и др.

Коммуникативная стратегия дискурса выступает доминантой, своего рода «гипер-интенцией» по отношению к интенциональным характеристикам жанров как типов высказываний, составляющих целое дискурса. Так, интенция лекции – прямая передача преподавателем но-

вого знания студентам, интенция семинара – обмен мнениями и подготовленными суждениями студентов и преподавателя, интенция публичной защиты курсовой работы – выполнение квалификационного задания и демонстрация студентом навыков научной дискуссии. Нетрудно видеть, что все названные интенции – жанровые, по своему существу, – укладываются в единое целое коммуникативной стратегии дискурса образования как такового.

Вместе с тем любой дискурс определяется не только коммуникативно-речевым, но и собственно ментальным форматом человеческого общения и особенностями представления соответствующего рода знания.

Так, дискурс повседневности характерным образом соотносится с суммой обыденного опыта, обычно определяемого как здравый смысл. Религиозный дискурс сопряжен с формами и стратегиями представления сакрального знания. Юридический дискурс в своих специфических формах выражает сумму правового знания. Дискурс науки, к которому мы переходим, при всей своей очевидной целостности и общности коммуникативных стратегий, отличающих его от иных дискурсов культуры и социального взаимодействия, в то же время достаточно дифференцирован в соответствии с делением научных дисциплин. Поэтому мы можем говорить о дискурсе математики, о дискурсе биологии и, наконец, о дискурсе литературоведения.

Научно-дисциплинарные дискурсы владеют своим, специфическим знанием, несводимым в теоретической парадигме и экспериментальном опыте к другому знанию. Более того, данные дискурсы формируют соответствующее научное знание. При этом специфическими являются сами способы представления и выражения знания в соответствующем научном языке. Данный вопрос, применительно к дискурсу литературоведения, и находится в центре нашего внимания, и в этой связи мы сформулируем два тезиса, отвечающие особенностям представления знания в науке о литературе.

1. Литературоведение – это дискурс смыслопорождения. Задача его состоит не только и не столько в установлении литературных фактов, сколько в построении новых смыслов и новых целостных интерпретаций по поводу литературных текстов. Литературоведческий текст – это текст о тексте, текст по поводу текста, текст совместно с текстом.

2. Литературоведение – это дискурс знакопорождения. Всякий оригинальный литературоведческий текст только отчасти опирается на общепринятую в этой дисциплине парадигму понятий и терминов, в другой же части, как правило, развивает свой собственный научный язык. Однако эти инновации носят преимущественно авторский характер, и живут только в рамках своего родного текста, достаточно редко выходя в своем употреблении за его рамки. А если и выходят, то неизбежно подвергаются последующим переосмыслениям («мотив» А. Н. Веселовского, «функция» В. Я. Проппа, «хронотоп» М. М. Бахтина и др.).

Литературоведческий дискурс, таким образом, определяется коммуникативной стратегией непрерывного поиска новых смыслов и новых знаков и теоретической стратегией преодоления своей собственной системности, которая в силу этого обстоятельства всегда остается только складывающейся, становящейся системностью. Поэтому литературоведение постоянно ставит под сомнение свою терминологичность и, более и важнее того, свой собственный научный язык (в отличие от многих других научных дисциплин, напротив, стремящихся к упрочению терминологии и языка).

Знаки (термины) литературоведческого языка индивидуальны и обновляемы не только в плане своего выражения, но и в плане содержания – и автор-литературовед нередко присваивает принятому литературоведческому термину свое, обособленное значение и вкладывает в термин свой, обособленный смысл. Так, например, «сюжет» у одного автора может быть совсем не тем, чем у другого.

В семиотическом плане в основе стратегий смысло- и знакообразования в дискурсе литературоведения лежит операция метафоризации, при этом сами метафоры берутся, как это всегда происходит в науке, из живого языка повседневности.

На этом вопросе остановимся подробнее. Повседневный дискурс складывается из открытого множества субдискурсов, опирающихся на различные обыденные ситуации, объединяющие людей. При этом сам характер социальной общности может быть различным: люди могут не знать друг друга или только что познакомиться (прохожие на улице или попутчики в дороге), знать друг друга достаточно формально (коллеги по работе), находиться в дружеских или родственных отношениях.

Кроме того, в структуре повседневного дискурса закономерно развиваются тематические субдискурсы по той простой причине, что в рамках обиходного общения говорят обо всем, что интересно участникам общения. При этом тематические субдискурсы в составе повседневного общения бывают относительно устойчивыми, но преимущественно в рамках устойчивой социальной ситуации или проблемы. Неустойчивые тематические субдискурсы опираются на тему (или сводимую к теме новость, событие, сенсацию), временно всех заинтересовавшую – катастрофа, землетрясение или наводнение, спортивные игры и т. п.

В структуре повседневного дискурса находят свое специфическое выражение базовые коммуникативные стратегии построения высказывания как такового. Такова, в первую очередь, стратегия прямого информирования адресата. Весьма характерна для повседневного общения и стратегия наррации – мы часто и много рассказываем друг другу в ситуациях повседневности, и поэтика/риторика повседневных нарративов разработана еще далеко не полностью. Далее, обиходное общение, особенно в формате межличностных отношений, может быть агональным, направленным на не прямое убеждение собеседника или склонение его к определенной линии поступка и поведения, или отношения к ситуации, другим людям, самому себе и др.

Повседневный дискурс не остается только на поле своего прямого функционирования, он проникает далее, в специализированные дискурсы, такие как дискурсы образования и науки. И дело не в том только, что преподаватель на занятии допускает в своей речи разговорные выражения и применяет разговорные тактики ведения беседы. Это внешнее. Дело вдругом – повседневный дискурс в своей топике, в своей метонимике и метафорике, в своей, наконец, логике обыденного действия проникает в самый язык науки и – осознанно или нет со стороны самих ученых – размывает этот язык, старающийся быть строгим и однозначным.

Проблема отношения повседневного дискурса и языка науки имеет и другую сторону. Дискурс повседневности с его нестрогой избыточной семантикой и образностью, сопряженной с концептуальными аспектами естественного языка, обогащает язык науки, расширяет его познавательные и коммуникативные возможности, и этот процесс как

нельзя естественнее происходит в рамках литературоведения – науки нестрогой по своему определению.

Широко известно бахтинское разграничение научных дисциплин на гуманитарные и естественнонаучные (или «точные») по принципу наличия или отсутствия диалогового начала в отношении исследователя к предмету его познания [1, с. 363; 2, с. 7-10].

В рамки данного принципа укладывается и одна из ключевых метафор традиционного литературоведения, как познания гуманитарного. Эту метафору можно описать следующей формулой: автор и его произведение (и, соответственно, герои этого произведения) относятся друг к другу как два равноправных субъекта, находящихся в свободном диалоге.

Приведем примеры из литературоведческих текстов (без упоминания авторов и контекстов исследований; курсив наш – И. С.): «писатель следует за героем»; «автор словно бы украдкой наблюдает за жизнью персонажей»; «романист исследует ... судьбы героев»; «писатель находит в ней (в жизни героев – И. С.) ...»; «автор вполне осознанно, хотя и небезоговорочно, допускает... оправдательную позицию героини»; автор «заставляет своих героев», «пытается ... разобраться в чувствах героев»; и т. п.

Таким образом, согласно данной метафоре, уже в процессе своего рождения произведение (и герои в его художественном мире) начинают жить своей собственной и особенной жизнью, во многих отношениях независимой от автора и непредсказуемой. Поэтому автор из творца-демиурга превращается в творца-исследователя, творца-открывателя того мира, который сам и создает в художественном произведении.

Остановимся еще на одной особенности литературоведческих текстов. Для естественнонаучного текста характерно достаточно четкое и однозначное разделение высказываний на собственно утверждения, констатирующие некие общепринятые в науке положения и знания, и на предположения, формулирующие новые научные гипотезы относительно общепринятого знания. В литературоведении практически все высказывания – и констатирующие, и гипотетические – выражаются в форме полных утверждений, по умолчанию наделенных модальностью само собой разумеющегося. В этом, на наш взгляд, заключается агональность литературоведческого дискурса, который не доказывает, а

убеждает – убеждает в предположениях автора так, как будто бы это общепринятые знания.

Приведем несколько связанных примеров из некоей литературоведческой работы. Утверждение, констатирующее общепринятое знание: «Представители этого направления, выступив против писателей-классицистов, заложили основы новой романтической эстетики, создавали произведения в системе нового художественного языка». Утверждение, заключающее в себе неявное предположение, гипотезу, в действительности нуждающуюся в проверке и подтверждении: «Авторы выстраивали свой житнетворческий сюжет, свою мифологическую генеалогию, свою символическую модель литературной деятельности». Текст литературоведческой статьи стремится далее, не особенно озаботившись детальным подтверждением сформулированного тезиса, и далее он оказывается уже в позиции актуальной темы литературоведческого высказывания – темы, которой, в свою очередь, рематически присваивается очередное новое знание, и снова в форме полного утверждения: «Генеалогический сюжет, скрепляющий творческую ментальность авторов, включил в себя систему культурных героев, с которыми авторы ассоциировали себя в своих произведениях».

Таким образом, литературоведческий текст как текст агональный реализует не столько стратегию полновесного обоснования нового знания, сколько стратегию непрямого убеждения читателя в правоте автора, убеждения, основывающегося на тактике присвоения научной гипотезе модального статуса высказывания об общепринятом знании.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5.

I. V. Silantev

ON THE PECULIARITIES OF THE LANGUAGE OF LITERARY CRITICISM

The article deals with the features of the representation of knowledge in the language of literary criticism in connection with the specific character

of literary discourse as such. Literary criticism is a discourse of meaning generation. Its task is not only to establish literary facts, but also to build new meanings and new interpretations about literary texts. At the same time, literary criticism is a discourse of sign generation. Any original text of literary criticism is only partly based on the generally accepted paradigm of concepts and terms, while in the other part it develops its own scientific language. Literary discourse, therefore, is determined by the communicative strategy of searching for new meanings and new signs, and a theoretical strategy to overcome its own system, which always remains only a developing, becoming system.

Key words: *literary criticism, discourse, meaning, sign.*

**Умер ли автор:
когда необходима авторская перспектива?***

Сыров В. Н.

Россия, Томск, Томский университет, доктор философских наук,
профессор кафедры онтологии,
теории познания и социальной философии

В статье предпринят анализ аргументов и контраргументов, связанных с темой обращения к авторской перспективе. Показано, что продуктивное обсуждение условий и форм возвращения к авторской перспективе становится возможным только на базе ограниченного релятивизма и прагматизма. Показано, что обращение к авторскому замыслу не является необходимым в ситуации чтения текста с целью выявления типологически сходных черт с другими текстами. Утверждается, что язык описания, сводящий роль автора к замыслу, как бы он ни трактовался, и оперирующий самими понятиями замысла как интенции с признаками целостности, связности и согласованности, весьма неудачен для описания тех черт текста, которые стоит связать с идеей авторства.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 15-33-01003: «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».